

Мир за неделю. - 2000
11-18 марта - с. 10.

Сергей ЮРСКИЙ:

Дом — это место, где мы остаемся сами собой

Виталий СЫЧЕВСКИЙ

Семья. Подписной индекс 50119

16 марта Сергею Юрскому исполнилось 65 лет. Актер играет сразу в четырех театрах — во МХАТе имени А. Чехова, в «Школе современной пьесы», Театре Моссовета и в антрепризе. А еще он пишет стихи и прозу, ставит спектакли и дает сольные концерты.

— Сергей Юрьевич, для вас есть какая-то существенная разница между антрепризными спектаклями и работой в стационарном театре?

— Для меня нет разницы. Те счастливые времена, когда мы говорили «театр — дом», когда это был громадный коллектив под властью одного человека, как, например, БДТ с Товстоноговым, прошли. Сейчас это просто невозможно. Сегодня театр и стационарный, и антреприза — это прежде всего артельный труд. Поэтому все определяет сочетание пьесы и актеров, а вовсе не форма работы. Меня интересуют только две проблемы — что мы играем и с кем?

— Я видел вас в спектакле БДТ «Беспокойная старость», где вы играли, кажется, с Поповой... До сих пор помню удивительно трогательную атмосферу семейных взаимоотношений, которую вы сумели создать на сцене. Изменились ли отношения мужчины и женщины в наше время?

— Вы же сами знаете, что изменились. Я полагаю, что так называемая сексуальная революция в конечном результате женщину унизила. Право на тайну — есть неотъемлемое право человеческого существования. И даже не только человеческого, но и вообще любой Божьей твари. И должна быть своя тайна у артиста. И должна быть своя тайна у женщины. Когда сотни, тысячи журналов занимаются открытием тайн, то наносится непоправимый урон и артисту, и женщине. Я почему соединяю их вместе, потому что актерская профессия в какой-то мере женская. Я считаю, что именно тут нужна тайна, и нельзя все вскрывать, нельзя. Что-то должно быть доверено и Богу, только Богу.

— А что для вас значит дом, семья? Это творческая лаборатория или тихая пристань, где вы находите успокоение для души?

— Дом — это дом. Дом — это место отдыха. Место, где мы остаемся сами собой.

— Во МХАТе идет спектакль «После репетиции», где вы играете втроем — с супругой Натальей Теняковой и дочерью Дарьей Юрской. Легко играть на сцене со своими домочадцами?

— Они в этом спектакле для меня не домочадцы, а партнеры. Это вообще была не моя затея, а режиссера МХАТа Долгачева. Я очень ценю свою дочь как актрису. Я с ней уже трижды работал, один раз — на радио, второй — в концертах, и мы уже три года играем этот спектакль. А уж про Тенякову я и не говорю, это артистка выдающаяся.

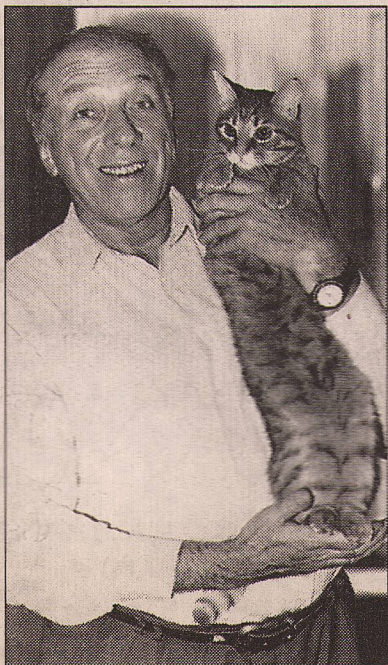

ФОТО ИТАР-ТАСС

— Сегодня кино почти нет, в театре мизерные зарплаты, ради чего работать актерам?

— Ради зрителя, конечно. И благодаря зрителю, потому что без зрителя театр невозможен. Наше дело сродни, я бы сказал, молебствию. Или это попытка издать чистый звук. И если это удастся, прекрасно, если не удастся, значит, ты идешь дальше и пытаешься этого достичь. Во имя этого и работаем. Театр никогда, в общем, не был хлебным местом. Никогда! Он иногда обеспечивал достойную жизнь, но никогда не делал богатым.

— В вашей книге «Кто держит паузу» есть очень много открытий в области мастерства актера. У вас не было искушения передавать свой опыт в качестве педагога?

— Меня соблазняли на это, я попробовал, но почувствовал, что это не мое дело. Видимо, надо было этим заниматься с самого начала, когда мой учитель профессор Макарьев меня звал работать вместе с ним, но я отказался из-за занятости в театре. Действительно надо было выбирать: либо много играть и ставить, либо преподавать. Я выбрал первое. А сейчас я боюсь, что у меня не хватит сил. Когда у меня есть остатки сил, я занимаюсь либо литературой, либо режиссурой. Если бы я стал заниматься педагогикой, я думаю, что я был бы честным педагогом, и тогда бы я должен был бросить все свое остальное.

— Когда вы ставите спектакль, в вас как в режиссере умирает актер или вы все равно проигрываете роли за других исполнителей?

— Не знаю, для меня это одно целое. Это разные стороны одной профессии. Но я занимаюсь режиссурой только тогда, когда вижу, чувствую, как это нужно играть.

— Вы известный мастер художественного слова. Какие новые чтецкие программы готовите?

— В прошлом году я дал 47 концертов по всему миру. Но сейчас я ставлю спектакль в театре «Школа современной пьесы», поэтому все

концерты остановлены. Исключение составил концерт в Харькове, в Театре Шевченко — один за два месяца, для того, чтобы просто не забыть что и как. Так что сейчас только театр.

— Расскажите об этой работе?

— Пьеса называется «Провокация». Пьеса современная. Это фарсовые сцены, в которых много жизненных ассоциаций, но я всегда буду подчеркивать, что они все случайны. Для того чтобы играть современный фарс на уровне высокого театра, нужны очень особенные артисты. Поэтому я очень долго колебался, пробовал... два года! И наконец создал артель из артистов сразу четырех театров! Это очень трудно. Но я собрал тех людей, которые нужны мне для этой очень необычной пьесы.

— И на ком же вы остановили свой выбор?

— Наталья Тенякова и Дарья Юрская из МХАТа, Валерий Еременко и Сергей Юрский из Театра Моссовета, Евгений Князев из Вахтанговского театра, Владимир Качан и Максим Евсеев из Театра «Школа современной пьесы». И мой всегдашний помощник Александр Аронин, который представляет артель артистов.

— Сергей Юрьевич, поговорим о вашем литературном творчестве. Чем вы порадуете читателей?

— Я просто перечислю, что вышло за последние три года. Вышла книга «Жест», большая книга стихов, вышла книга прозы «Содержимое ящика», вышла малая книга прозы «Сюр». В журнале «Октябрь» вышло три больших куска автобиографической книги под названием «Западный экспресс». Четвертая часть под названием «Опасные связи» выйдет в мае. В журнале «Знамя», тоже в пятом номере, выйдет повесть «Голос Пушкина».

— Что вы читаете? Какая книжка лежит сейчас на вашем ночном столике?

— Я очень много читаю. По профессии, не по профессии. Это мое любимое занятие. Во-первых, мое ежедневное чтение, и это очень серьезное, я бы сказал, огорошивающее каждый раз чтение — это Библия. Я выписываю много журналов, даже все не успеваю читать. Но современная проза, современная драматургия у меня на виду. Обращаюсь и к вещам, ранее написанным, сейчас я читаю, скажем, Генри Миллера — одного из вершителей сексуальной революции. Я хочу понять, почему Генри Миллер при всей непристойности того, что он пишет, вызывает у меня чувство уважения и ощущение большого писателя. И почему вся гнусность сегодняшних журналов, которые столь же разнузданны, вызывает чувство омерзения. В чем разница? Оказывается, дело даже не в том, что себе позволяет человек, а в том, насколько силен его талант, насколько он способен создать ту форму, в которой можно преступать законы приличия. Оказывается, на это нужно иметь право. А если это делает каждый, то это просто беганье с голым задом по

улице. За это в милицию надо сажать, причем не разбираясь даже в причинах, сажать, и все.

— Интересно, что вы думаете о телевидении?

— Не так давно по телевидению передавали рассказы кинорежиссера Швейцера, я получил огромное удовольствие. Только мало кто это слушает. Слушают Доренко — что поделаешь? Вот это и есть то, что делает меня пессимистом. Потому что такие передачи, как передача Доренко, есть соблазн к агрессии, пробуждение худших, я бы сказал, подстрекательских качеств. Он подстрекает к развязыванию самых гнусных чувств в людях. Это ужасно. Телевидение становится очень опасным гипнотизером, который имеет злые намерения.

— На днях телевидение опять показало фильм «Золотой теле-нок», в котором вы сыграли роль Остапа Бендера. Как вы думаете, что бы сегодня было с Остапом, доживи он до наших дней?

— Умер бы.

— Почему? Ведь наше жуликоватое время как будто создано для таких, как он.

— Но он же не жулик. Его все время путают с кем-то. Жулик там другой — Альхен. Бандит — это Корейко. А Остап-то при чем? У него же есть название — он комбинатор. А что такое комбинатор? Это артист своего дела. Он очень талантливый артист.

— В конце фильма Остап предпринял попытку убежать из Советской России за границу, может быть, и сегодня он свалил бы куда-нибудь подальше, как вы думаете?

— Я бы на его месте свалил за границу. Потому что он не имел этого счастья — общения со зрителем, а я его имею. Поэтому мне некуда бежать, а ему есть куда.

— А кто, на ваш взгляд, герой нашего времени из галереи литературных персонажей романа Ильфа и Петрова?

— Подпольный миллионер Корейко. Хотя нет, сейчас время очень разнообразное, и нет единого героя, нет единого взгляда на вещи. И это хорошо.

— Правда, отсутствие ориентиров внесло некоторую растерянность в умы людей...

— Сейчас еще ничего, будет еще хуже. Совсем растеряются.

— Вы так пессимистически смотрите в будущее?

— Абсолютно.

— Что все же вселяет в вас надежду, дает силы работать, преодолевать депрессию и пессимизм?

— Общение с театральной публикой, оно для меня очень много значит. Я ее знаю хорошо и вижу часто, много, я вижу перед собой примерно от 80 до ста тысяч человек в год. Лично вижу. Не через экран, а лично. Это много. И вот глядя на этих людей, слыша этих людей, работая для них напрямую, я и говорю: народ выживет.

— Значит, все-таки нас ждет хеппи-энд?

— Да, но не скоро. Очень не скоро.

Юрский Сергей

18.03.2000